

Остатки крови размазываются по внешнему стеклу, что делает их еще более неприглядными, поскольку при движении они поднимаются вверх. Лобовое стекло автомобиля нечисто - пятна темно-красного цвета, грубый след от когтей в углу, стекло в опасной близости от разрушения.

«Все ясно, полковник!» Ли Цзяюнь рассказывает, как она держала двух пумы поменьше на своей стороне. Она не получила травм, хотя, кажется, она немного измотана внезапным столкновением. Ее напарник Джэ сменил бинокль на пистолет, и они вдвоем работали в тандеме, чтобы убить кошачьих детенышей.

"Вы перепроверили?" - спрашивает Ян Жун, осматривая трупы. «Я не хочу, чтобы те вернулись к жизни».

«Ну... нет, но это маловероятно», - говорит Джэ, хотя и делает то же самое. Он осторожно выглядывает в окно, ровно настолько, чтобы быстро взглянуть. Зрелище мрачное - одна пума лишилась головы, а другая стала почти такой же, ее шея висела на тонком куске плоти. Ее мех окрашен в черную грязь и пронизан шрапнелью, некоторые останки органа забрызганы из тела и упали на землю. «Пумы не кажутся мне очень радиоактивными. Они лишь немногим больше среднего».

«... Они не такие», - тихо говорит кто-то в спину. Мин Тан, давно забытый, открывает рот, чтобы выразить свою точку зрения. Он указывает на живот упавшего животного. «*Felis concolor* - у них обычно белые животы и белый мех на шее. Это темно-коричневые. У них аномальный пигмент, вероятно, возникший в результате клеточного излучения. Еще одним признаком является длинная черная полоса на их мордах, которая образуется на ранних стадиях эмбрионального развития».

Полковник Ян смотрит на него со смесью удивления и трепета. «Неужели вы, дети, сейчас такие умные?»

«Я изучал некоторые вопросы биологии и химической инженерии».

«В десять лет?»

«Я проявил интерес с шести лет», - отвечает Мин Тан, хотя его тон более невозмутимый и менее хвастливый. «Но мне доступно не так много ресурсов».

Ной, пересаживаясь на сиденье для дробовика, слегка кривит губы. Он всегда думал, что Мин Тан был одним из самых умных детей, с которыми он был знаком. Последний может усвоить текст учебного уровня за считанные часы, может собрать воедино аэронауку за два дня и, вероятно, может написать целую диссертацию по радиации и деградации клеток, если дадут неделю. К сожалению, у него не было шансов расширить этот талант за пределы пера и бумаги, за пределы этого конкретного дома.

Одно можно сказать наверняка: Мин Тан умнее полковника.

«... Над чем ты смеешься, Ной?» Ян Жун не упускает ни малейшей причуды в выражении его лица. С опозданием Ной думает, что этот человек слишком подозрительно смотрит на него.

"Хм?" Ной протягивает. «Просто подумай, что если тебя поцарапает эта нерадиоактивная пума, будет интересно увидеть последствия».

«... Какие последствия ты себе представляешь?»

«Например, внутреннее кровотечение, разрыв сосудов...» Ной ухмыляется ему через зеркало заднего вида. Его глаза изгибаются в форме полумесяца, светятся преломлением и красиво смотрятся в темноте. Хотя его лицо достаточно бледно, чтобы светиться, он все же слишком хорошо играет на кокетстве. «Тогда, возможно, ты трансформируешься, чтобы иметь характеристики пумы - я думаю, такой зверь тебе подойдет».

«Большая кошка?» Ян Жун тоже ухмыляется, подходя ему по натуре. "Почему? Ты хочешь сказать, что хочешь, чтобы я был в твоём генеалогическом древе?"

«Я сказал, что я не кот».

Лицо Ян Жуна озорно блестит - он знает, что выиграл банальное подшучивание, и ему не терпится смириться с этим в полной мере. Полковник подпирает подбородок рукой и говорит: «Ты так и не объяснил, кто ты, поэтому до тех пор ты застрял как почетный «котенок». Разве это прозвище тебе не подходит?»

«...» Ной больше не хочет говорить. Он издает тихий звук недовольства, а затем хлопает дверью, решительно бросая винтовку внутрь - он делает мысленную пометку, чтобы извиниться перед Ю Соком позже. С таким дорогим на вид обсидиановым ружьем обращались без осторожности. Ной благодарен, что последний все еще сосредоточен на вождении. Мягко вздохнув, он закрывает глаза, чтобы отдохнуть.

Никто его не ругает.

Ной склонен сбиваться с пути, но не в незнакомых машинах, не среди незнакомых людей, никогда среди городских солдат, которые имеют всевозможную дурную репутацию - он слышал рассказы о гангграде о жертвах омег, он видел, как некоторые взводы обращаются со своей добычей, как они это называют. Сам Ной ведет довольно личную вендетту против солдат, городских полицейских, авторитетов в такой социальной структуре с преобладанием альф.

Он все еще думает, что он скован здесь, брошен в этот конкретный автомобиль с двумя альфами, ни с одним из них он не в состоянии бороться, и один из них, который безвозвратно, в ярости толкает его на стену. Ян Жун, вероятно, тоже делает это специально - Ной замечает эти темно-зеленые глаза, сверлящие спинку его сиденья, даже когда он находится в полусне и принимает снотворное.

Тем не менее, он обнаруживает, что с удовольствием прислушивается к дросселирующему шуму двигателя, к стуку алюминия о панели автомобиля. Тогда и завывания извне переходят в тихое жужжание.

С наступлением полуночи внешний вид становится еще более диким - ветром грохочут деревья, грубое рычание и коварное рычание. Хищники собираются издалека. И... Ной достаточно сошел с ума, чтобы наслаждаться такой ужасающей компанией в ограниченном транспортном средстве.

Ю Сок слева слышит шепот. Мужчина осторожно понижает голос для Ноя, говоря с полковником об их следующем плане действий. Что-то о защитном снаряжении, снаряжении для аварийного дайвинга, кислородных баллонах - «есть ли проблемы с качеством?» - а потом еще о гидрокостюмах - «сколько раздали?»

«Не так много», - можно услышать, как отвечает Ян Жун. «Это означает, что мы не будем нырять сегодня вечером, чтобы кто-нибудь из вас не захотел покончить жизнь самоубийством».

«Не я», - вмешивается Джэ. Он ест бисквит - Ной может сказать это по громким хрустам, потому что ничто не может быть более скрежетом, чем военный хардтак. Крошки даже издают слабые звуки, падая на коврик, смешиваясь с каплями дождя.

Будь он более бодрым, возможно, он поймал бы первые капли дождя, усеивающие лобовое стекло. Стеклоочиститель время от времени подметает, издавая полувискивающий звук, который особенно раздражает его уши.

«Я также слишком красив, чтобы пережить такую трагедию - если бы я умер, это было бы отважное падение, окруженное выстрелами», - как обычно говорит Ян Жун. «Так что никто из вас не облажался, я ухожу от вас. Понял, мальчик?»

«Не беспокойтесь обо мне, - говорит Мин Тан. «Я не буду просить твоей помощи».

«Ах, но ты которые косвенно просят нас принять тебя в город бесплатно.»

"Ты согласился."

«Я сделал», - бормочет Ян Жун. «Я полагал, что это были... молчаливые переговоры».

"Переговоры?"

«Гм... если бы ты остался с нами, котенок не убежал бы так быстро». Даже не видя его, Ной может ясно представить себе ухмылку на лице полковника - угол его рта был бы изогнут на несколько градусов вверх, непринужденный и легкомысленный. «Разве это не так, Ной? Думаю, я хорошо справился с этим ребенком, которого ты так любишь.»

Ной не отвечает. На самом деле он почти не реагирует, просто задремал на шум дождя и ветра.

Мин Тан, однако, предпочитает говорить. «Ной меня не любит».

При этом он открывает один глаз. В зеркало он видит, что голова Мин Тана низко склонена не из-за уныния, а из-за беспечности - мальчик, как обычно, очень невыразительный. Эмоции Ноя проявляются через трещины на его фасаде, но что касается Мин Тана...

Ребенок более пустой, чем он.

Ян Жун всматривается, переключая внимание с мальчика на Ноя на спину. "Хм? Мне так не кажется. Разве вы не близки?"

«Мы не близки», - говорит мальчик, рассеянно играя с биноклем. Он экспериментально постукивает по линзе, как будто проверяет материал. «Я почти не узнал Ноя в течение года, и за те несколько дней, которые он проводил с нами каждую неделю, мы не говорили друг другу больше, чем несколько предложений».

«Хм...» Ян Жун потирает указательным пальцем выступ нижней губы, принимая задумчивую позу. Он всматривается в мальчика, который все еще продолжает играть с оборудованием. «Значит, вы действительно не близки».

«Я думаю, Ной добр ко всем».

«Это немного странно...» - размышляет полковник. «Я признаю, что твой маленький Ной - довольно сентиментальный человек, хотя твой рассказ не совпадает с моим. В конце концов, моя первая встреча с ним была невероятно запоминающейся. Он действительно один из самых агрессивных бездомных, которых я когда-либо видел».

Затем Мин Тан смотрит на него. «Возможно, это потому, что ты обращаешься к нему такими бессмысленными прозвищами, что он мало уважает тебя».

«...» Полковник тут же замолкает. Он размышляет добрых пять секунд, прежде чем открыть свой громкий рот и произнести достаточно громко, чтобы подслушивающий Ной услышал: «Тогда он тоже может дать мне прозвище. Почему бы тебе не попробовать, Ной, раз мы теперь так знакомы друг с другом? Я бы по-прежнему предпочел, чтобы меня называли «Жун-ге» или «Жун-Жун», если у тебя нет лучшей альтернативы. Как насчет того, чтобы попробовать что-нибудь более милое, например «геге » или...

«... Хорошо», - неожиданно отвечает Ной, откидываясь на сиденье. "Идиот."

«...» Ян Жун медленно моргает. «Прости меня, Ной, но сделал ли я что-нибудь, чтобы тебя

обидеть в последнее время?»

"Что ты думаешь?"

«Разве я не помог тебе истребить таракана в ванной?» Полковник с искренним недоумением потирает затылок. «Я даже включил твою наркозависимость. Разве ты не должен вместо этого поблагодарить меня? Разве мы не достаточно близки к настоящему времени, чтобы быть заклятыми товарищами?»

Ной поворачивается к нему с холодным выражением лица. «Ты похитил меня, вырубил меня, так сильно ударил меня по ребрам, что я чувствовал это неделями, оставил меня в ловушке в грязном подвале, пригрозил застрелить меня, а ты говоришь, что я должен тебя поблагодарить? Ты думаешь, я страдаю стокгольмским синдромом? Во всяком случае, ты должен поблагодарить меня за такое прощение, полковник Ян, хотя я сомневаюсь, что твой единственный мозг способен на такое...»

«Но я также спас тебя», - настаивает мужчина. «Ты бы гарантированно умер, если бы я оставил тебя с лицом на снегу. О чем ты думал, путешествуя по проклятой тундре в разгар зимы в тонком пальто и без головного убора? Ты надеялся умереть от переохлаждения? А чтобы сразиться с птицей, каким-то птеродактилем, который в три раза больше тебя - разве тебе не очень повезло, что я нашел тебя?»

Сбоку послышался мягкий кашель. Ли Цзяюнь решает высказаться. - На самом деле, полковник Ян, его нашел Джэ...

"Верно!" Ян Жун говорит громче. «Значит, я не ошибся, Ной! Послушай, кто-нибудь заподозрит твою внешность - цвет волос, твои глаза - и сколько у тебя было тогда кровотечений? Как я мог отказаться от возможности заражения? Не говоря уже о том, что температура твоего тела ошеломляюще низкая для человека, а также твои зрачки, которые волшебным образом расширяются в ночное время. Неужели я слеп, чтобы не видеть таких очевидных признаков? Ты также не очень хорошо это скрываешь, потому что помнишь, когда ты укусил...»

«Моя внешность...» Лицо Ноя становится ледяным, но к нему примешивается оттенок печали. У него пересохло в горле, и его голос слегка срывается, когда он говорит. «Я не могу изменить свою внешность, полковник Ян. Я же сказал тебе, что родился таким».

Может быть, его тон дрожал, когда он говорил, каждый слог произносился мягко и трескался, но этого было достаточно, чтобы заразить его. Глаза Ноя опущены. Неуверенны. Вспышка боли, замаскированная под гнев. «Я могу выглядеть некрасиво, но я не собирался причинять тебе вред. Я очень конкретно сказал тебе уйти от меня той ночью».

Ян Жун опешел. Слегка нахмурившись, он отвечает: «Я не это имел в виду, Ной».

- Тогда что ты имел в виду, полковник Ян? Ной внезапно ухмыляется - насмешливая ухмылка,

Никто не говорит ему, что извиняться за это неправильно, но все согласны с тем, что полковник действительно социально некомпетентен, и поэтому они делают исключение. Джэ и Ли Цзяюнь коллективно вздохнули.

Ной закрывает глаза, прислоняется головой к окну и не отвечает.

<http://bllate.org/book/14985/1325851>